

национальной идентичности героини, которая в финале осознает, что вместо «зияющей пустоты» в ее душе теперь «вновь обретенная Старая Родина» и любовь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Сэмюэль Хантингтон. — М.: АСТ, 2008.
2. Kulyk Keefer, Janice. The Green Library. Toronto: Harper Collins, 1996.
3. Kulyk Keefer, Janice. “Coming across bones: Historiographic Ethnification.” Essays on Canadian Writing 57. - (1995).-p. 84-104.
4. Babiak, Peter Roman. “Toronto, Capital of Ukraine: The Ends of Desire and the Beginning of History in Janice Kulyk Keefer’s The Green Library”. ESC 29.1-2 (2003). - P.97-130.
5. Grekul, Lisa. Leaving Shadows: Literature in English by Canada’s Ukrainians. Edmonton, 2005.

УДК: 82.091: [821.161.1+821.111] (Довлатов С.)

Прядко Ю.П.
(Бердянск, Украина)

ТВОРЧЕСТВО С. ДОВЛАТОВА И АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ (ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ)

У статті узагальнено та систематизовано факти, які розкривають питання про ступінь впливу американської літературної традиції на творчість С. Довлатова

Ключові слова: *російська літературна традиція, американська літературна традиція, наступність, поєднання традицій, техніка письма, оповідна манера.*

В статті обобщаются и систематизируются факты, раскрывающие вопрос о степени влияния на творчество С. Довлатова американской литературной традиции.

Ключевые слова: *русская литературная традиция, американская литературная традиция, преемственность, слияние традиций, техника письма, манера повествования.*

The article summarizes and systematizes the facts, which reveal the question of American literary tradition’s influence on S. Dovlatov’s work.

Key words: *Russian literary tradition, American literary tradition, continuity, combination of traditions, techniques of writing, manner of narrative.*

Проблема преемственности художественного опыта русских и зарубежных писателей в прозе С. Довлатова – по-прежнему в центре внимания многих исследователей. Так, Г. Доброзракова отмечает: “Прошло почти двадцать лет со дня смерти С. Д. Довлатова, однако вокруг его творчества всё ещё не утихают споры на тему: Довлатов – писатель русского или западного типа?” [1]. Одни считают, что С. Довлатов – писатель русский,

© Прядко Ю.П., 2012

и доминирующее влияние на его прозу оказала русская литературная традиция (Г. Доброзракова, А. Плотникова, К. Дочева, И. Вейсман, И. Серман, Э. Шафранская и др.). Исследователи, как правило, называют имена таких русских классиков, как А. Пушкин, А. Чехов, реже – Ф. Достоевский, А. Куприн, М. Зощенко, В. Шукшин, Вен. Ерофеев.

Другие – И. Бродский, П. Вайль, А. Генис – рассматривают вопрос о наследовании прозаиком традиций американской литературы. Так, по мнению А. Гениса, С. Довлатов – писатель, которого “очень трудно вписать в русскую традицию”. Исследователи связывают прозу С. Довлатова с творчеством таких американских писателей, как Ш. Андерсон, Э. Хемингуэй, Дж. Д. Селинджер, У. Фолкнер и др.

Дискуссии, начавшиеся в 90-е годы XX века, привели к появлению ещё одной точки зрения: в творчестве прозаика наблюдается слияние русской литературной традиции с американской (Ю. Власова, Ж. Мотыгина, Ю. Федотова, Аи Мориа, Н. Выгон, А. Зверев, В. Анастасьев, И. Сухих и др.).

Несмотря на то, что многие исследователи творчества С. Довлатова указывают на продолжение писателем традиций американской литературы, вопрос остаётся недостаточно изученным и требует дальнейшего рассмотрения. Литературоведы, как правило, только констатируют факты, не делая глубокого анализа и не предоставляя исчерпывающих доказательств. Целью нашей статьи является обзор исследований, раскрывающих вопрос о степени влияния на творчество С. Довлатова американской литературной традиции.

Первыми, кто отметил связь прозы С. Довлатова с американской литературой, были П. Вайль и А. Генис. Так, П. Вайль указывает на наличие у С. Довлатова “западной стилистической техники”, которая возникла “из самовоспитанного на Востоке западного индивидуализма” [2: 171]. В доказательство учёный приводит тот факт, что писатель стремится к внятной, простой конкретности, краткости предложений для повышения “удельного веса” каждого, что было свойственно Э. Хемингуэю. П. Вайль утверждал, что прозаик обладает излишней сдержанностью стиля: “... ни напора на читателя, ни претензий на особую духовность, ни учительства, ни пафоса. Все словарные значения термина «understatement», фирменного знака американской словесности, – «преуменьшение», «сдержанное высказывание», «умолчание», «отсутствие пафоса», «сдержанность юмора», «простота языка и внятность повествования» – подходят ко всем элементам довлатовской прозы” [2: 171].

Кроме того, в статье “Формула любви” П. Вайль отмечает, что в произведениях С. Довлатова заметен “отчётливый чеховский комплекс отсутствия большой формы” [3, 183], который известен не только русской литературе, но и американской, например, О. Генри.

А. Генис также неоднократно отмечал наличие у С. Довлатова “западной стилистической техники”. Так, в интервью Т. Вольтской, напечатанном в “Литературной газете”, он говорит, что “Довлатов не очень похож на русского писателя” и его “очень трудно вписать в русскую традицию” [4: 10]. По мнению А. Гениса, в американской прозе С. Довлатов любил “достижимость нравственных ориентиров”, так как она “ничего не требовала, только просила – попридержаться моральное суждение, принимая мир таким, какой он есть” [5]. В ней писатель находил то, чего ему не хватало в русской литературе. Так, в творчестве У. Фолкнера С. Довлатову ближе не теологическая, а эстетическая софистика. А. Генис отмечает, что поднимаемые У. Фолкнером вопросы не могли не понравиться

ся С. Довлатову. Например, русскому писателю была близка мысль, сформулированная американским прозаиком в романе “Непокорённые”: “Посвятившие себя Добродетели получают от нее в награду лишь безжизненный, бесцветный и безвкусный суррогат, ни в какое сравнение не идущий не только с блистательными дарами Недобродетели – грехом и наслаждением, но и... с несравненной способностью изобретать и придумывать” [5].

А. Генис, указывая на близость стиливых манер С. Довлатова и Э. Хемингуэя, отмечал и внешнее сходство, обращая особое внимание на то, как русский прозаик обычно “носил” своё большое тело. Подчёркивая, что творчество Э. Хемингуэя оказало огромное влияние на прозу всего послевоенного поколения, А. Генис, однако, считал, что на довлатовских страницах он “оставил не так уж много следов”. Например, это финалы рассказов в “Зоне”: “Но главным было то, что спит жена. Что Катя в безопасности. И что она, наверное, хмурится во сне...” [5]. Кроме того, по мнению исследователя, С. Довлатов взял у Э. Хемингуэя не только “скупую слезу”, но и знаменитые “дырки в повествовании”. Приспособив теорию айсберга, С. Довлатов создал для себя особую пунктуацию, так называемые “сплошные многоточки” [5].

Л. Штерн в книге “Довлатов – добрый мой приятель” также отмечает сходство стиливой манеры Э. Хемингуэя и С. Довлатова: “Хемингуэй трансформировал способ самовыражения американцев и англоговорящих людей во всём мире ... и создал “как бы” простую, лаконичную, моментально узнаваемую манеру речи” [16: 323]. Э. Хемингуэй пишет просто и незамысловато, его стиль неотделим от существа повествования и, в особенности, от морального отношения к происходящему. Целью писателя было избежать нравоучений и осуждений героев в любой форме. “Не этими ли словами, – продолжает Л. Штерн, – можно характеризовать прозу Довлатова? В своих рассказах он никогда не осуждает героев и скрупулёзно выполняет христианскую заповедь «не суди и не судим будешь»” [16: 324].

А. Арьев в статье “История рассказчика” указывает на то, что ранний С. Довлатов очень похож на Ш. Андерсона – одного из самых его любимых американских писателей, книгу которого – “История рассказчика” – он “берёт пуще всего на свете” [7]. Следы американских влияний, по мнению А. Арьева, сохранились и в поздних произведениях С. Довлатова, например, в “Филиале”. Критик пишет: “Эта последняя из написанных им повестей завершается пассажем столь же эффектным, сколь и знакомым: “Закурив, я вышел из гостиницы под дождь” Всякий читавший X, сразу – и не без оснований – вспомнит финал романа «Прощай, оружие!»” [7].

Вопрос о влиянии на прозу С. Довлатова американской литературной традиции и, конкретно, творчества Дж. Д. Сэлинджера, освещается и в статье “Dovlatov’s Reception of Salinger” британской исследовательницы Е. Янг, которая указывает на существование творческого “родства” между двумя писателями, особенно в технике повествования и подходе к языку.

Сравнивая “Nine Stories” Дж. Д. Сэлинджера и “Зону” С. Довлатова, исследовательница находит много общих черт. Во-первых, книги обоих прозаиков были напечатаны в “Нью-Йоркере”, и главным критерием в их отборе был стиль писателей. Во-вторых, и Дж. Д. Сэлинджер, и С. Довлатов в своих произведениях обращались к собственному жизненному опыту. Для С. Довлатова – это служба надзирателем на зоне, для Дж. Д. Сэлинджера – участие во Второй мировой войне. Оба прозаика, неся службу, испытали

состояние отчуждения от окружающего мира, одиночества и своей неустребованности. Поэтому и у Дж. Д. Сэлинджера, и у С. Довлатова главный герой одинок и изолирован от общества. Кроме того, жестокий жизненный опыт повлиял на стиль повествования, который стал более сдержанным. В-третьих, “Nine Stories” и “Зона” написаны как “pieces of the frieze” (пазлы) [8], которые читатель должен собирать самостоятельно: рассказы существуют как части целого, когда каждый рассказ предполагает связь со следующим. Кроме того, Е. Янг указывает на общую для прозаиков тему – тему человеческого одиночества и потери чувства единения с миром, которая является одной из основных тем в литературе XX века.

Деля выводы, Е. Янг пишет о том, что рецепция С. Довлатовым творчества Дж. Д. Сэлинджера является прежде всего примером диалога двух литератур – русской и американской. Книги Дж. Д. Сэлинджера и американская литература в целом были для С. Довлатова той почвой, на которой он развивался как наратор.

И. Бродский в эссе “О Серее Довлатове”, разделяя мнение П. Вайля и А. Гениса, пишет, что такие характерные черты прозы писателя, как отказ от трагической традиции и пафоса, присущих русской литературе, сдержанность и особая тональность, сближают её с западной традицией. Кроме того, поэт указывает на “американизм” работ С. Довлатова. Именно это качество позволило легко переводить довлатовскую прозу, так как синтаксис не создавал проблем для переводчика. При этом, говоря о литературных корнях и влияниях, И. Бродский не отрицал русского начала прозы С. Довлатова, “ибо писатель – то дерево, которое отталкивается от почвы” [9].

По словам И. Бродского, идея индивидуализма нигде “не была выражена более полно и внятно, чем в литературе американской, начиная с Мелвилла и Уитмена и кончая Фолкнером и Фростом”, и именно его поколение, к которому принадлежал С. Довлатов, восприняло “идею индивидуализма и принцип автономности человеческого существования более серьёзно, чем это было сделано кем-либо и где-либо” [9].

По мнению таких исследователей, как Ю. Власова, Ж. Мотыгина, Ю. Федотова, в творчестве С. Довлатова нельзя не заметить слияния русской литературной традиции с американской “при доминирующем влиянии на его прозу русской классики” (Г. Доброзракова).

Так, Ю. Власова в диссертации “Жанровое своеобразие прозы Довлатова” охарактеризовала связь С. Довлатова с русской (А. Чехов, М. Зощенко, В. Шукшин) и американской (Ш. Андерсон, Э. Хемингуэй) литературными традициями. Автор отмечает, что “опыт А. Чехова сказался на отточности стиля, принципах развития сюжета, остротности конфликта, открытости финала, использовании анекдота” [10: 12]. Чрезвычайно значимыми для С. Довлатова, по мнению Ю. Власовой, оказываются и уроки М. Зощенко.

Что касается американской литературы, то она, как считает исследователь, привлекала С. Довлатова своей сюжетной остротой, краткостью, вниманием к деталям повседневности, точностью бытовых зарисовок, глубиной подтекста, неожиданностью и быстротой развязки. Так, например, у Ш. Андерсона писатель перенимает композиционный принцип, когда сюжетно не связанные короткие рассказы, каждый из которых воспринимается как законченное произведение, объединяются в “роман пунктиром”. Кроме того, повествование и у Ш. Андерсона, и у С. Довлатова отличается фрагментарностью: отдельные фрагменты текста отделяются друг от друга чисто визуально – с помощью

пробелов. Также сходными чертами поэтики обоих писателей становятся отсутствие острого, занимательного сюжета и открытость финала.

По поводу хемингуэвской традиции в творчестве С. Довлатова Ю. Власова пишет, что она восходит к манере американского писателя “выстраивать текст как словесную структуру, где смысл не выявлен, где слово не служит выражению мысли, которая, однако, читателю открывается” [10: 21]. Исследователь считает, что писателей сближают лаконизм и безупречная стилистика. Подобно Э. Хемингуэю, С. Довлатов отдаёт предпочтение короткой, рубленой фразе. Ю. Власова отмечает, что такие характеристики хемингуэвских персонажей, как скромность и мужественность, сдержанность и чувство собственного достоинства, следование внутреннему кодексу чести и способность пройти трудный путь к себе, нельзя адресовать персонажам С. Довлатова. Тем не менее, и перед ними чрезвычайно остро встаёт проблема выработки собственных этических принципов, идущих вразрез с теми, что официально утверждались в жизни. Герои и американского, и русского писателя обречены на одиночество, они постоянно находятся в поисках себя, страдают от дисгармонии окружающего мира. Как и у Э. Хемингуэя, лирический герой довлатовской прозы нашёл выход из серости и грубости окружающей действительности в идее автономности человеческого существования. Подводя итоги, автор исследования объясняет художественное совершенство прозы С. Довлатова способностью писателя “воспринимать, осваивать опыт литературы, возникшей и развивавшейся на совершенно иных основаниях” [11: 164 – 165].

В диссертации Ю. Федотовой “Проза С. Довлатова: экзистенциальное сознание, поэтика абсурда” проанализирован художественный мир прозы С. Довлатова сквозь призму философии экзистенциализма, с одной стороны, и определены особенности поэтики абсурда как способа выражения миропонимания писателя – с другой. Ю. Федотова считает, что “постановка в довлатовских произведениях проблемы существования человека в мучительных размышлениях о смысле бытия является ключом к прозе писателя и позволяет соотнести её с экзистенциальной традицией в литературе” [12: 5 – 6]. Автор исследования вписывает произведения С. Довлатова в один ряд с произведениями русских философов и писателей – Н. Бердяева, Л. Андреева, А. Белого, В. Набокова и др., французских экзистенциалистов – А. Жида, А. Камю, Ж.-П. Сартра и др., американских писателей “потерянного поколения” – Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Дж. Дос. Пассоса и др., а также европейских авторов – Э. М. Ремарка и Р. Олдингтона.

Говоря об особом переплетении русских и американских литературных традиций в прозе С. Довлатова, Ю. Федотова утверждает, что искать источник довлатовской уникальности нужно не во влияниях, а в личности, которая оказалась такой космополитичной, что выразила себя в уникальном стиле, близком и русским, и американцам. Звучащие у С. Довлатова темы – “маленького человека”, “лишнего человека” – излюбленные темы и русской, и американской литератур. Близость к американской технике письма с её лаконичностью и простотой, по мнению исследователя, несомненна, но одновременно это и влияние русской традиции.

Ж. Мотыгина – автор диссертации “С. Довлатов: Творческая индивидуальность, эволюция поэтики” и монографии “Творческая индивидуальность Сергея Довлатова” – приходит к выводу о том, что “С. Довлатов относится к представителям ленинградской школы писательства с присущими ей чертами “шестидесятничества” и своеобразного

этического релятивизма, которые сочетаются с сознательным следованием индивидуально понятым стилистическим и идеологическим аспектам русской литературной (“пушкинско-чеховской”) традиции, а также с преодоленными или непреодоленными следами учёбы у американских (европейских) писателей” [13: 31].

Вопрос о влиянии на прозу С. Довлатова как русской, так и американской литературной традиции рассматривается и в работах Г. Доброзраковой. Исследователь, придерживаясь мысли о том, что С. Довлатов – писатель русского толка, тем не менее, признаёт связь прозы С. Довлатова с американской литературой. Исследователь указывает на то, что такие особенности повествования, как лаконичность, недосказанность, отсутствие явно выраженной авторской оценки, юмор, создание образов и трактовка явлений действительности в их парадоксальной сложности и многозначности, С. Довлатов находил, ценил и перенимал не только у американских, но и у русских авторов – у А. Пушкина и А. Чехова.

Говоря о слиянии в творчестве С. Довлатова русской и американской литературных традиций, особое внимание Г. Доброзракова уделяет влиянию Ш. Андерсона на С. Довлатова. Исследователь указывает на то, что основные мотивы произведений как Ш. Андерсона, так и С. Довлатова, – мотив абсурдности мира и мотив одиночества человека в нём. Кроме того, в прозе С. Довлатова, как и в творчестве Ш. Андерсона, одним из основных принципов изображения внутреннего мира героя, его чувств и переживаний становится контрастность.

По мнению Г. Доброзраковой, приём повторов, который доминирует в произведениях Ш. Андерсона, заслуживает пристального внимания. Американский прозаик использует приём дословного или почти дословного повторения одного и того же фрагмента в различных частях текста, иногда такой повтор выполняет функцию обрамления. Этот художественный приём занимает особое место и в прозе С. Довлатова: повторы определяют индивидуальность довлатовского стиля. “Таким образом, – пишет Г. Доброзракова, – влияние творчества Ш. Андерсона на поэтику С. Довлатова очевидно, но необходимо учитывать, что на самого Ш. Андерсона большое влияние оказали русские писатели-классики” [1: 107].

Точку зрения Ю. Власовой, Ж. Мотыгиной, Ю. Федотовой, Г. Доброзраковой о слиянии в творчестве С. Довлатова русской и американской литературных традиций разделяют также Аи Мориа, Н. Выгон, А. Зверев, В. Анастасьев, И. Сухих и В. Бондаренко.

Анализ публикаций российских и зарубежных авторов показал, что исследователи с одинаковой периодичностью находят в творчестве С. Довлатова типологическое сходство как с русскими писателями (А. Пушкин, А. Чехов, реже – Ф. Достоевский, А. Куприн, М. Зощенко, В. Шукшин, Вен. Ерофеев), так и с американскими (Ш. Андерсон, Э. Хемингуэй, Дж. Д. Селинджер, У. Фолкнер, О. Генри). Таким образом, утверждение о том, что русский прозаик в своём творчестве ориентировался исключительно на традиции только лишь американской литературной традиции или исключительно русской, является, на наш взгляд, неправомерным, поскольку в творчестве С. Довлатова очевидно своеобразное слияние двух литературных традиций. Однако данный вопрос требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доброзракова Г. Творчество С. Довлатова в контексте традиций русской литературы: (обзор исследований) [Электронный ресурс] / Г. Доброзракова. – Режим доступа: http://www.ssc.smr.ru/izv_2009_4.html#part6. – Загл. с экрана.
 2. Вайль П. Довлатов на Бродвее / П. Вайль // Иностранная литература. – 1995. – №6. – С. 171 – 174.
 3. Вайль П. Формула любви / П. Вайль // Сергей Довлатов : творчество, личность, судьба : итоги Первой междунар. конф. “Довлатовские чтения”, [5-7 мая 1998 г., Петербург / сост. и подгот. А. Ю. Арьев]. – СПб. : Журнал “Звезда”, 1999. – С. 183 – 184.
 4. Генис А. Довлатов и окрестности (Главы из книги) [Электронный ресурс] / А. Генис. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru:81/inostran/1998/6/genis.html>. – Загл. с экрана.
 5. Генис А. Молоко, конечно, скисло, но.../ Беседу вела Т. Вольтская / А. Генис // Литературная газета. – 1998. – №23. – С. 8 – 11.
 6. Штерн Л. Довлатов – добрый мой приятель / Л. Штерн. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – 352 с.
 7. Арьев А. История рассказчика [Электронный ресурс] / А. Арьев. – Режим доступа: <http://www.sergeidovlatov.com/books/ariev2.html>. – Загл. с экрана.
 8. Young J. Dovatov's Reception of Salinger [Электронный ресурс] / J. Young. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/action/showPublication?journalCode=modelangrevi>. – Загл. с экрана.
 9. Бродский И. О Серёже Довлатове [Электронный ресурс] / И. Бродский. – Режим доступа: <http://sergeydovlatov.ru/index.php?cnt=7&sub=11>. – Загл. с экрана.
 10. Власова Ю. Жанровое своеобразие рассказов С. Довлатова: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 26 с.
 11. Власова Ю. Е. Жанровое своеобразие рассказов С. Довлатова : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Юлия Евгеньевна Власова. – М., 2001. – 312 с.
 12. Федотова Ю. В. Проза С. Довлатова: экзистенциальное сознание, поэтика абсурда : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Юлия Владимировна Федотова. – Череповец, 2006. – 22 с.
- Бродский И. А. Поэзия как форма сопротивления реальности // Бродский И.А. Собр. соч. : в 7 т. СПб., 2001.